

Традиционный человек в «цифровой клетке». Идейные истоки альтернативных сценариев (20–30-е гг. XX в.)

А. В. Щербина✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉ ashcherbina@list.ru

Введение. Обсуждается идеология и методология решения задачи, практически поставленной в современной России: сохранить традиционные ценности в высокотехнологичном современном обществе. Обосновывается правомерность сравнения текущей глобальной ситуации с ситуацией между двумя мировыми войнами в XX в. и обращения к эвристическому потенциалу высказанных в то время идей о сущности техники.

Методология и источники. Предпринята попытка перейти от категориального к понятийному анализу сопряжения традиционного человека и императива технологического развития. Традиционный человек описывается в постмодернистской парадигме, конфигурирующей несколько аналитических перспектив: схему интерпретации «традиция и современность», индивидуализирующий метод, цивилизационный подход, постисторическую перспективу, православную антропологию, концепцию органопроекции, трансгуманизм и постгуманизм. В качестве источников для анализа привлекаются работы 20-х – начала 30-х гг. XX в. «Человек и техника» О. Шпенглера, «Человек и машина» Н. Бердяева, «Органопроекция» П. Флоренского.

Результаты и обсуждение. Рассматриваются образцы интерпретации традиционного человека, которые позволяют переосмыслить линейную схему «от традиции к современности». 1. Традиционный человек принадлежит самобытной культуре. Научно-технический прогресс – порождение западноевропейского культурного типа. Порабощенность техникой – не причина, а симптом его разложения из-за отсутствия перспективы и цели. 2. Традиционный человек – это человек изменяющийся, продолжающий миротворение и сохраняющий связь с вечностью. Из размышлений Бердяева вытекает методологическая установка: относиться к человеку одновременно как к Богу и как к природе. Она имеет эвристическое значение для анализа современных технологий. 3. Традиционный человек – это античный, классический человек, который еще только должен быть восстановлен в своей целостности в синергии с техникой не в штучных или элитарных, а в массовых воплощениях. Идеи сопряжения традиционного человека и технологического роста – культурная самобытность, связь с вечностью, синергия человека и техники в органопроекции – рассматриваются в качестве ориентиров для возможных сценариев развития современных технологий в интересах человека, альтернативных как по отношению к притязаниям современных ТНК, замыкающих человека в «цифровую клетку», так и по отношению к транс- и постгуманистическим проектам усовершенствования или преодоления человека, основанным на светской эсхатологии. Дан критический анализ проактивного экспериментального и биоконсервативного подходов к развитию новых технологий.

© Щербина А. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Фиксируется смещение внимания исследователей и практиков – в образовании, воспитании, управлении – от традиционных методов социального воспроизводства и личностного развития к техническим усовершенствованиям человека. Что вновь делает актуальным вопрос о нормативности человеческой природы.

Ключевые слова: традиционный человек, техника, человеческая природа, культурный тип, органопроекция, трансгуманизм, постгуманизм, идеология, автономия личности, искусственный интеллект.

Для цитирования: Щербина А. В. Традиционный человек в «цифровой клетке». Идеиные истоки альтернативных сценариев (20–30-е гг. XX в.) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 65–79. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-65-79

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.04.2021; принята после рецензирования 22.04.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Traditional Man in the “Digital Cell”. Ideal Sources of Alternative Scenarios (20–30s of the XXth century)

Alexandra V. Shcherbina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ashcherbina@list.ru

Introduction. The ideology and methodology of solving the problem practically posed in modern Russia is discussed: to preserve traditional values in a high-tech modern society. The author substantiates the legitimacy of comparing the current global situation with the situation between the two world wars in the twentieth century and referring to the heuristic potential of the ideas about the essence of technology expressed at that time.

Methodology and sources. An attempt has been made to move from a categorical to a conceptual analysis of the interface between the traditional person and the imperative of technological development. A traditional person is described in a postmodern paradigm that configures several analytical perspectives: the “tradition and modernity” interpretation scheme, an individualizing method, a civilizational approach, a historical perspective, Orthodox anthropology, the concept of organ projection, transhumanism and posthumanism. The works of the 20s – early 30s of the XX century are used as sources for the analysis. “Man and Technology” by O. Spengler, “Man and Machine” by N. Berdyaev, “Organoprojection” by P. Florensky.

Results and discussion. Examples of interpretation of a traditional person are considered, which allow rethinking the linear scheme “from tradition to modernity”. 1. A traditional person belongs to a distinctive culture. Scientific and technological progress is a product of the Western European cultural type. The enslavement to technology is not a cause, but a symptom of its decay due to a lack of perspective and purpose. 2. A traditional person is a person who is changing, continuing the creation of the world and maintaining a connection with eternity. From the reflections of Berdyaev follows the methodological setting: to treat man at the same time as God and as nature. It has a heuristic significance for the analysis of modern technologies. 3. A traditional person is an ancient, classical person who has yet to be restored in its integrity in synergy with technology, not in piece or elite, but in mass incarnations. The ideas of pairing traditional man and technological growth – cultural identity, connection with eternity, synergy of man and technology in organ projection are considered as guidelines for possible scenarios for the development of modern technologies in the interests of man, alternative to trans- and

posthuman projects of improvement or pre- overpowering man based on secular eschatology. A critical analysis of proactive experimental and bioconservative approaches to the development of new technologies is given.

Conclusion. A shift in the attention of researchers and practitioners – in education, upbringing, management from traditional methods of social reproduction and personal development to technical improvements of a person – is fixed. Which again makes the question of the normativity of human nature urgent.

Key words: traditional man, technology, human nature, cultural type, organ projection, transhumanism, posthumanism, ideology, personality autonomy, artificial intelligence.

For citation: Shcherbina A. V. Traditional Man in the "Digital Cell". Ideal Sources of Alternative Scenarios (20–30s of the XXth century). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 65–79. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-65-79 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.04.2021; adopted after review 22.04.2021; published online 24.06.2021

Введение. Примерно сто лет назад Россия опередила все человечество, поставив задачу создать нового человека, новую нравственность, новые ценности и нормы для планетарного устремленного в космос человечества. Тогда революционный пафос сливался с технооптимизмом. Русский марксизм имел явно выраженный научно-технический характер. На службу «ассоциации трудящихся» должны быть поставлены сокровища науки и возможности новых технологий (сто лет назад это была электротехника). И вместе с тем только советская власть как субъект революционных преобразований, вооруженный передовой теорией, могла обеспечить технологическое обновление народного хозяйства в масштабе всей страны (ГОЭЛРО). В Советской России технике придавался идеологический и нравственный смысл. Модель, гипотеза, эксперимент, масштабирование – по такой методологии планировались изменения и в инструментальном, и в социальном теле человека. Техника концентрированно выражала идеологию марксизма: создание нового человека и нового общества, символом которого стали машина и научная организация труда.

Современная Россия выступает на международной арене защитницей традиционных ценностей: национально-государственного суверенитета, культурного многообразия, вообще – традиционного человека с полом, семьей, этничностью... Образовательный и научно-технический потенциал, накопленный в советскую эпоху и еще не реализованный в современной России в полной мере, позволяет нам сегодня ставить и решать задачи технологического обновления в приоритетных для национального суверенитета сферах: обороны, инфраструктуры, развития собственных НИОКР, и в перспективе – стать высокотехнологичной державой. Отметим, что судьба традиционного человека в таком обществе нуждается в прояснении. Здесь и далее под «традиционным человеком» понимается и личность, и сообщество, разделяющие традиционные ценности. Заострим вопрос: какая идеология и методология может обеспечить решение задачи, практически поставленной в современной России: сохранить для будущих поколений традиционного человека, создавая и используя для этого новые производственные и управленческие информационно-коммуникативные технологии, технологии искусственного интеллекта, биотехнологии?

Процессы цифровизации отсылают к индустриализации столетней давности. Нарастающие противоречия в международных отношениях, ослабление международных право-

вых институтов, возрастание угрозы одностороннего применения силы, усиление конкуренции за ресурсы и сферы влияния – все эти тревожные для глобального сообщества явления заставляют прибегать к аналогиям, возвращаться к постановке проблем, анализу принятых исторических решений, их результатов и последствий. Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении на Давосском форуме (2021 г.) отметил, что есть серьезные основания сравнивать текущую глобальную ситуацию с той, что сложилась в мире между двумя мировыми войнами в XX в. Стремительный рост социального неравенства, стагнация в экономике углубляют глобальный кризис. «Есть вероятность столкнуться с настоящим срывом в мировом развитии, чреватой борьбой всех против всех, с попытками решить назревшие противоречия через поиск “внутренних” и “внешних” врагов, с разрушением не только таких традиционных ценностей (мы в России дорожим этим), как семья, но и базовых свобод, включая право выбора и неприкосновенность частной жизни» [1]. Президент также отметил, что определенные надежды на то, что удастся преодолеть кризисные явления, связываются с бурным технологическим развитием, прежде всего – с технологиями так называемой четвертой промышленной революции.

Примерно сто лет назад вопрос о судьбе традиционного человека в век научно-технического прогресса (НТП) был поставлен во всей остроте. Н. Бердяев, размышляющий о социологической и метафизической сущности техники, пишет: «Два отношения существуют у христиан к технике, и оба недостаточны. Большинство считает технику религиозно нейтральной и безразличной. Техника есть дело инженеров. Она дает усовершенствования жизни, которыми пользуются и христиане. Техника умножает блага жизни. Но эта специальная область, не затрагивающая никак сознания и совести христианина, не ставит никакой духовной проблемы. Христианское же меньшинство переживает технику апокалиптически, испытывает ужас перед ее возрастающей мощью над человеческой жизнью, готово видеть в ней торжество духа антихриста, зверя, выходящего из бездны. Злоупотребление апокалипсисом особенно свойственно русским православным. Все, что не нравится, все, что разрушает привычное, легко объявляется торжеством антихриста и приближением конца мира. Это есть ленивое решение вопроса. В основании его лежит аффект страха. Впрочем, первое решение в смысле нейтральности тоже ленивое, оно просто не видит проблемы» [2]. Сегодня, как и сто лет назад, мы ждем от техники чудес. Существенное различие состоит в том, что теперь, кажется, только от нее и ждем. Большие идеологии утратили свой мобилизационный потенциал, социальный инжиниринг подчеркнуто деидеологизирован, а революционный дух «дышит» только в сфере технологий.

Методология и источники. Как же сопрягаются традиционные ценности с императивами технологического развития, как сохранить традиционного человека в режиме беспрецедентного сжатия пространства и времени, когда скорость изменений, помноженная на концентрацию ресурсов, такова, что все традиционные жизненные уклады, связанные с естественными, эволюционными процессами, испытывают давление? Рассуждения в ставшей хрестоматийной для социогуманитарных наук схеме интерпретации «традиция и современность» в ее эволюционно-историческом измерении с момента возникновения классической социологии рассматривали развитие технологий («производительных сил человека», «современного промышленного производства») в качестве значимого фактора социальных изменений. Но ни О. Конт, ни К. Маркс, не говоря об Э. Дюркгейме и М. Ве-

бере, не были носителями технократической веры. Согласно Веберу, развитие технологий – часть всемирно-исторического процесса рационализации, в котором возникновение экспериментального естествознания и современной промышленности – симптом наступившего господства формальной рациональности. То, что осталось в современном человеке от традиции (этика братской любви), противится этому господству и порождает «борьбу богов» в душе современного человека, который не может окончательно отказаться от наследства.

Радикальный разрыв с традицией – семьей, частной собственностью и государством, – провозглашенный марксистами (сегодня это требование вновь озвучивается в проекте так называемого «инклюзивного капитализма»), был непременным условием появления нового коммунистического человека. А традиционный человек (местноограниченный, «сращенный с условиями воспроизводства своей жизни», вспомним в этом контексте характерное выражение Ф. Энгельса: «идиотизм деревенской жизни») – отброшенная историческая форма. Решающую роль в этом историческом процессе играет научно-технический прогресс. Маркс, действительно, одним из первых разглядел «превращение науки в непосредственную производительную силу». Отметим, что при определенной смене аспекта этот тезис звучит весьма угрожающе. Впрочем, по мере движения к коммунизму и преодоления отчуждения ассоциация трудящихся, присваивающая производительные силы предысторического человечества и сознательно развивающая их, создает решающее условие свободного труда – «игры сущностных сил» человека, который в некотором смысле восстанавливает в себе «родовую сущность», «возвращается к себе как к человеку» и подозрительно начинает напоминать нормативные образцы традиционного человека.

В вышеприведенной схеме традиционный человек – тот, что преодолевается новым человеком, современным. Тот, что модернизируется, причем неравномерно. Традиционные общества в разное время подходили к исходу в современность и с разной степенью решимости рвали с традицией. Опыт России в этом отношении уникален! Традиционный человек многообразен не только в смысле культурного плюрализма, но и по типу разрыва современности с традицией (эволюционного, реформистского, революционного). Любой разрыв формирует «негативную традицию» и в той или иной форме приводит к необходимости реставрации, возвращения и, соответственно, определения того, к чему возвращаться. Традиционный человек в этом смысле – своего рода конструкт, всякий раз переопределяемый современностью. Наша современность, «современная мир-система» в терминологии И. Уоллерстайна, уникальна тем, что в ней утвердилась следующая идея: «Социальное изменение, а не статистическое равновесие является нормальным как в нормативном, так и в статистическом смысле слова» [3]. Соответственно и традиция как способ сохранения себя в истории переосмыслена и переоценена [4]. Традиционный человек заново переосмыслен как исторический человек в точке исхода в постисторию [5]. Поэтому современный традиционный человек может быть описан только в постмодернистской парадигме, конфигурирующей несколько аналитических перспектив.

Обратимся к постановке вопроса о технике и человеке, ясно обозначившейся как минимум сто лет назад, в эпоху индустриальной революции, когда социальные науки были на подъеме, а социальные мыслители (уже не философы в классическом смысле, еще не социологи – в узкопрофессиональном) обращались к широкой публике и были интересны

последней. Тогда еще не оформился столь популярный ныне дискурс «социальных последствий» новых технологий, и социальная мысль скорее была направлена на анализ источников их создания, на процессы, в которых и благодаря которым они возникают и развиваются, и на альтернативные для человека и для техники возможности, которые в них имплицитно присутствуют.

Сто лет назад размышления о природе человека и технике уверенно сопрягались. Причем техно- и социо- оптимизм и пессимизм конфигурировались по-разному. Обратимся к характерным для той эпохи образцам – размышлениям О. Шпенглера в работе «Человек и техника» и Н. Бердяева в работе «Человек и машина», опубликованным почти одновременно в начале 30-х гг. XX в.

Результаты и обсуждение. В своей знаменитой работе «Человек и техника» Шпенглер обсуждает метафизический и моральный статус техники, универсальность ее воздействия на природу и общество. Впрочем, как увлекающийся автор, он подчас прибегает к откровенной риторике. Отдельные высказывания звучат очень современно и устаревшей в них выглядит разве что их неполиткорректность. Шпенглер предостерегает западноевропейского человека: передача технологий «цветным» (а в их число входят и русские) несет угрозу западному культурному миру, лишает его преимуществ. «Сама работа белых становится избыточной <...> Центр производства неуклонно смещается, а после мировой войны цветные утратили и всякое почтение к белым» [6, с. 491]. Для них техника – «лишь оружие борьбы с фаустовской цивилизацией» [Там же, с. 492], а не внутренняя потребность автономной личности.

Автономная личность – одушевляющий принцип западной культуры – являет себя в индивидуальном деянии, которое выходит за пределы принуждения вида. Для автономной личности «техника» – не столько инструмент, сколько «тактика жизни». Допрашивая и пытая природу, устанавливая причину и следствие, производя и используя, т. е. изобретая метод, человек вырывает привилегию у природы, включая ее как фон, объект и средство в свою деятельность. Что им движет? «Все великие открытия и изобретения исходят из радости победы сильного человека. Они – выражение личности, а не думающей о пользе массы, которая только наблюдает, но которая должна принимать последствия, какими бы они не были» [Там же, с. 485]. «Самому построить мир, самому быть Богом – вот фаустовская мечта, из которой проистекли все проекты машин» [Там же, с. 484], которая вдохновляет на поиск и приспособливание сил природы к работе вместо животных и людей. Не менее значимый мотив развития техники – усложнение задачи управления людьми. Прирожденных руководителей всегда мало. Подчеркнем, это не критически разделяемое убеждение Шпенглера не имело ничего общего с расово-этническим или расово-антропологическим подходами к человеческой истории. В творчестве О. Шпенглера, а затем – А. Тойнби в определенном смысле и осуществлен концептуальный разрыв с этническим редукционизмом – поиском природных качеств отдельных этнических групп, которым придается нормативное значение, и переход к анализу культурных характеристик исторически-индивидуальных общностей – к цивилизационному подходу, сохраняющему актуальность и в настоящее время. По мере облегчения жизни посредством технологий (удобства и праздность) «народы и племена приумножаются вниз, растет число не “голов”, но рук» [Там же, с. 479]. Задачи управления усложняются, управляемых много, их количество

растет, а выбор стратегий управления у западного человека по-прежнему невелик: взаимное уничтожение, иерархическое разделение с закреплением ресурсов, наконец, переход от органического к организованному существованию. В тотальной организации всё – управляемые и управление – осуществляется формально рационально. Машинная техника одна и в производстве, и в войне, и в управлении (она имеет, как бы мы сегодня сказали, «тройное назначение»). Готовый образ роя, управляемого алгоритмами искусственного интеллекта. Неумолимая логика машинной техники ведет человека к духовной деградации. Почему? Такова сила возможного: технический мир желает осуществления, роскошь, избыточность машины – следствие принудительности мышления. Искусственный мир пронизывает и отравляет мир естественный. Сама цивилизация стала машиной. Машина – символ вечного двигателя. Это душевная, духовная, а не жизненная необходимость. А стала – жизненной. Человек врос в природу техникой и техника так вросла в человека, что не вырваться: человек оказался в клетке, а сегодня он обнаружил себя еще и в цифровой клетке.

Шпенглер подчеркивает, что широко распространяющаяся вера в технику – технократическая вера – сама есть симптом упадка «фаустовского духа», утраты им цели и перспективы, одушевляющего его принципа, согласно которому «малый мир» творит себя сам и движим своей собственной, только ему послушной силой. Признание зависимости человека от техники означает, что «творение восстает против своего творца, более не повинуется ему». Шпенглер отмечает и другие важные проявления завершения машинной цивилизации. С одной стороны, машина входит в противоречие со сложившейся хозяйственной практикой. Исчезает цель машин (эффективность, удобство, управляемость, возможность эксплуатации) за их числом и утонченностью. С другой стороны, истощается деятельная мысль, о чем свидетельствует пресыщение техникой, бегство «прирожденных вождей» от машины. Прогноз Шпенглера: машинная техника кончится вместе с фаустовским человеком. Однажды она будет разрушена и позабыта.

Что могло бы отсрочить гибель европейского человека, одержимого автономией личности («сознательным индивидуальным деянием»)? Может он вырваться из созданной им клетки – дома, а теперь – земного шара? Своеобразный ответ на этот вопрос дает Н. Бердяев, русский философ, чуждый провинциальных западных предрассудков. Он начинает с того, на чем закончил Шпенглер: созданная человеком машинная техника порабощает его. Господство техники и машины, ее повсеместность и принудительность заставляют человека буквально ощущать себя в новой действительности, в новой метафизической позиции. Бердяев обнаруживает смысл наступившей технической эпохи прежде всего в том, что в ней завершается «теллурический период в истории человечества, когда человек определялся землей не в физическом только, но и в метафизическом смысле слова» [2]. Овладевая огромными пространствами и огромными массами, делая все мировым, распространяясь на все человечество, техника дает человеку чувство планетарности Земли. В техническую эпоху все становится коллективным. Социологический смысл техники – в демократизации и социализации. В метафизическом смысле техника – не нейтральна, но она не является и абсолютным злом. Она в некотором смысле «зло», как всё, что создается человеком, обремененным первородным грехом, или, в другой парадигме, – существом несовершенным и иррациональным, но она – не «манихейское», не субстанциальное зло. Таковы отправные точки анализа мучительной, как ее называет Бердяев, для современного человека проблемы сопряжения техники и жизни.

Шпенглер со страстью говорит о закате Европы, Бердяева тревожит судьба человечества. Он, в отличие от Шпенглера, вовлеченного в трагические переживания фаустовского человека, мыслит масштабнее. Выход в космос – дело всего человечества. И вместе с тем – приземленнее. «Человек не может остаться прикованным к земле и во всем от нее зависящим, но он не может и окончательно от нее оторваться и уйти в пространства» [2]. Какая-то связь с землей останется, останется и сельское хозяйство, без которого человек не может существовать. «Прорваться в рай, в райский сад не дано человеку до конца и преобразования мира, всего космоса, но всегда останется воспоминание о рае и тоска по раю, всегда останется намек на рай в жизни природной, в садах и цветах, в искусстве» [Там же]. Отношение человека к природе включает и внутреннюю связь с ней. Скорость изменений, «технический актуализм» уродует не только природу, но и человека. Изменение отношения к времени разрушает вечность и делает для человека все более и более трудным отношение к вечности. У человека для вечности не остается времени. Полное изгнание вечности возможно и в карикатурном виде рукотворного «неограниченного продления жизни». Тем самым Бердяев обозначает главные проблемы, которые предстоит решать человеку в наступающей новой действительности: справиться с все возрастающей скоростью изменений и с только начинающейся, но уже неизбежной экспансией в органический мир, а значит, – в его собственную природу.

Н. Бердяев оказался прозорливее О. Шпенглера, отметив, что современная техника «порабощает по-новому». Она разлагает органическую форму самого человека, подвергая его процессу расчленения, разделения, в силу которого он уже перестает ощущать себя тем природным существом, каким он был ранее. В человеке теперь все должно быть измерено и взвешено заново. Все прежние естественные членения (пол, раса, этничность, возраст жизни) человека как органического существа должны исчезнуть в качестве значимых. Организм человека оказывается беззащитным перед собственными изобретениями человека. Открытия, связанные с органической жизнью, гораздо более трудны, чем открытия, связанные с миром неорганическим. Здесь мы вступаем в «мир чудес». И последствия пыток человеческой природы непредсказуемы. Машина и техника угрожают душевной, эмоциональной жизни человека, человеческим чувствам. Скорее не дух, как указывает Бердяев, а душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации. Все разлагается на интеллектуальные элементы и чувственные ощущения. Религиозный смысл современной техники Бердяев усматривает в том, что она все ставит под знак духовного вопроса и требует от человека напряжения духовности. Как человек отреагирует на это требование? Вопрос открытый: быть или не быть человеку, не старому человеку, который должен преодолеваться, а просто человеку. Бердяев рисует «кошмар» – постчеловеческое будущее, в котором совершенные машины будут достигать максимальных результатов. Все будет совершенным, возможно, появится поистине новое существо, но уже не человеческое. Человека в традиционном смысле больше не будет.

Единственная спасительная альтернатива постчеловеческому будущему согласно Бердяеву – богочеловеческая перспектива. В ее свете Бердяев положительно оценивает и смену типа религиозности, произошедшую в современном, постсекулярном мире. Религия теперь – частное дело в том смысле, что она становится более индивидуальной и духовной, менее зависимой от внешних социальных условий, ее главный индикатор – напряженность

духовной жизни. Н. Бердяев подчеркивает, что ни патриотическая, ни гуманистическая («человекобожеская») антропологии неудовлетворительны. Человек и машина, человек и организм, человек и космос – это проблемы христианской антропологии. Только она дает надежду: в преображающей богочеловеческой перспективе возможно мыслить еще большее овладение человеком силами природы, реальное освобождение труда и трудящегося, подчинение техники духу. Но это предполагает духовное движение в мире, которое есть «дело свободы» [2].

О. Шпенглер высказывает предположение, что западноевропейская культура – не последняя. «Возможно, в следующем тысячелетии, где-нибудь между Вислой и Амуром, запоздало явится ее бледный наследник, но здесь борьба между природой и человеком, составшим против нее своим историческим существованием, будет вестись практически до самого конца» [6, с. 481]. У обоих авторов речь идет только об отодвигании конца. Согласно Бердяеву, то, как долго это продлится, зависит от духовного напряжения, от успеха в «деле свободы». Согласно Шпенглеру – от наличия перспективы, цели для борьбы. Шпенглер фиксирует надлом и закат западноевропейской культуры, Бердяев ведет речь о судьбе исторического человека. Он звучит острее, современнее, когда обрисовывает перспективу постчеловеческого существования, т. е. такой радикальной трансформации человеческой природы, которая грозит не только утратой подобия, но и образа, окончательной объективацией духа. Появление нового существа, уже не человеческого – вот что видится эсхатологично мыслящему Бердяеву. Сегодня эти «кошмарные» образы обрели черты теоретических концептов. С. Хокинг, И. Маск, Р. Курцвейл обсуждают «сингулярность» – момент, когда автономная техника достигнет такой степени интегрированности и сложности, что она не просто выйдет из-под контроля человека, но поставит его под контроль и, возможно, уничтожит его. Авторитетный представитель трансгуманизма Н. Бостром приводит аргументы в защиту достоинства постчеловеческих существ [7], а Л. Флориди, один из создателей информационной этики, обсуждает права «инфоргов» – как людей, так и иных «информационных агентов» [8].

Подведем итог нашему анализу. Оба автора рассматривают технику в качестве «дела свободы», совершаемого человеком в его истории. Акцентируем эту мысль: исторический, традиционный человек создал технику, которая ему теперь угрожает, – в этом авторы сходятся. Образцы традиционного человека, которые мы обнаружили у Шпенглера и Бердяева, существенно отличаются от того, который предписан линейной схемой интерпретации «от традиции к современности».

1. Традиционный человек – творец самобытной оригинальной культуры, ее хранитель и пленник. В одном исторически индивидуальном случае западноевропейский человек вызывает к жизни невиданный ранее технический прогресс. Все более дифференцированная, утонченная, избыточная машинная культура, вросшая в природу, – результат тактики жизни западного человека и его клетка, к которой сегодня добавилась еще и «цифровая клетка». Выстраивается смысловая связь: традиционный человек возможен только как самобытный культурный тип. Западноевропейский культурный тип обеспечил НТП. Развитие технологий – самоосуществление этого культурного типа. А его поработченность техникой – не причина, а симптом его разложения из-за отсутствия перспективы и цели. Возможно, обнаружение такой перспективы в космосе вызовет к жизни новый культурный тип и новые формы культурного творчества?

2. Традиционный человек – это непрерывно меняющийся человек, продолжающий миротворение и сохраняющий связь с вечностью. «Человек прошлого принимал себя за вечного человека. В нем было вечное, но он не был вечным человеком. Прошлое не есть вечное. Новый человек должен появиться в мире. И трудным является не вопрос о том, в каком отношении он стоит к старому человеку, а о том, в каком отношении он стоит к вечному человеку, к вечному в человеке. Вечным является образ и подобие Божие в человеке, что и делает его личностью. Это нельзя понимать статически. Образ и подобие Божие в человеке, как в природном существе, раскрывается и утверждается в динамике» [2]. Из размышлений Бердяева вытекает принципиальная *методологическая установка: относиться к человеку одновременно как к Богу и как к природе*. Она имеет эвристическое значение для анализа современных технологий. В современных трансгуманистически и постгуманистически окрашенных дискуссиях о человеческой природе обсуждаются как необходимость ее сохранения (биологическая природа ассоциируется со слабостью и уязвимостью (например, в космосе), требует внимания и сбережения), так и возможности и пределы ее испытания с целью выявления накопленного в ней в смене поколений потенциала. Человеческая природа в таком случае – еще только открываемый ресурс.

Хочется отметить, что другой русский философ, П. Флоренский, задолго до возникновения дискурса трансгуманизма, в рамках развиваемой им концепции органопроекции размышляет о значении биотехнологий для самопознания и изменения человека. «Если изучение организмов есть ключ к техническому изобретению, то и обратно, технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию... Техника может и должна провоцировать биологию, как биология – технику. В себе и вообще в жизни открываем мы еще неосуществленную технику; в технике – еще не исследованные стороны жизни. Линия техники и линия жизни идут параллельно друг другу...» [9]. Наследие П. Флоренского, православного философа, одного из создателей плана ГОЭЛРО, сотрудничавшего с советской властью – предмет отдельного анализа [10]. В данном случае мы обращаемся к идее органопроекции и ее объясняющему потенциалу, чтобы выделить еще один образец сопряжения традиционного человека и технического прогресса.

3. Традиционный человек – это античный, классический человек, который еще только должен быть восстановлен в своей целостности в синергии с техникой, причем не в штучном, элитарном, а в массовом воплощении. Техника – «это особый путь обнаружения бытия, осуществляемый человеком». Человек открывает в себе все новые органы, «стилизуя» свое «жизненное начало», или «жизненную субстанцию» («стилизация» при этом есть функциональная дифференциация субстанции, т. е. выработка органов), мир же обогащается новой техникой за счет роста техносферы – органопроекции. Причем иногда техника опережает развитие новых органов и тем самым помогает их выявить [11]. Интересно в указанном контексте взглянуть на искусственный интеллект (ИИ). Проекцией какого органа он является? Какая внутренняя техника человека и жизни осуществлена в нем? Вероятно, это та часть рассудка, которая занята конечным и выделена из него, дабы человек мог вернуться к своему творческому разумному началу?

Рассмотренные идеи сопряжения традиционного человека и технологического роста – культурная самобытность, связь с вечностью, синергия человека и техники в органопроекции, – как мы полагаем, являются ориентирами для сценариев развития современных тех-

нологий в интересах человека, альтернативных как по отношению к притязаниям современных транснациональных корпораций, замыкающих человека в «цифровую клетку», так и по отношению к транс- и постгуманистическим проектам усовершенствования или преодоления человека, основанным на светской эсхатологии.

Какие горизонты для создания и применения новых технологий открываются постановкой задачи сохранения традиционных ценностей в логике защиты и развития культурной или цивилизационной самобытности! А с учетом жизненной необходимости для современной России удерживать пространство и время (демография) всемерное развитие производственных, энергосберегающих, информационно-коммуникативных технологий, искусственного интеллекта, биотехнологий и т. п. становится главным условием решения этой задачи. Логика «связи с вечностью» по определению апофатическая. В ней постчеловеческое будущее неприемлемо. При этом она очень требовательна в вопросе о сохранении духовных перспектив жизни людей (образа) и пластична во всем том, что касается органического тела человека – подобию, которое изменяется и творится самим человеком. Человек продолжит испытывать свою природу. Неизбежны и вторжение в органическую жизнь, и выход в космос. Неизбежны новые формы организации как человеческих масс, так и душевной жизни. Главное – избежать искушения светской эсхатологии, пытающейся в современном транс- и постгуманизме подменить собой богочеловеческую перспективу. Эта логика предполагает развитие и использование технологий по их прямому назначению – высвободить время для вечности.

А теперь обратимся к тем, кто спустя сто лет хочет окончательно порвать с традиционным человеком. В дискурсе трансгуманизма и постгуманизма традиционный человек – это наличный человек, сохранивший себя в истории. Он изменялся, изменяя мир. Теперь нужно изменить себя непосредственно. «Начать с себя» – стать новым субъектом... Ключевая роль принадлежит новым технологиям. Открываются новые возможности человеческого совершенствования за счет использования искусственного интеллекта, генной инженерии и нанотехнологий.

Успехи в разработке ИИ (создание новой высокопроизводительной элементной базы, новых программных решений, базирующихся на сложной комбинаторике и машинном обучении, периферийных устройств) дали толчок междисциплинарным исследованиям ИИ и NBIC – нано-био-инфо-когнитивных технологий [12]. Социальные представления об этих технологиях (окрашенные как технофобиями, так и технофилией) демонстрируют, как тесны и динамичны связи науки, технологий, религии, политики, медиа в современном сознании, насколько распространены технократические предрассудки, как декларируемое освобождение человека от трансцендентного соседствует с псевдорелигиями человекобожества, питает светскую сотериологию и эсхатологию [13].

Использование технологий ИИ (в комплексе с облачными технологиями, биотехнологиями, социальным инжинирингом) на двух уровнях имеет общечеловеческие последствия. 1. *Глобальный уровень*. Возможности ИИ для прогнозирования и предупреждения глобальных общечеловеческих рисков (климатических, экологических, биологических, техногенных) впечатляют. Вместе с тем в условиях усиливающейся экономической конкуренции и политического соперничества, ослабления и размывания норм международного права, возрастания угрозы одностороннего применения силы ИИ сам становится источни-

ком рисков. Он может диктовать управленческие решения, содержащие «скрытую оптимизацию». Решения нормативно правильные, но ценностно неприемлемые. Нормы не дедуцируются из ценностей. Из того, что нечто должно быть сделано, непосредственно не следует, что оно должно быть сделано каким-либо специфическим образом. Отвечая требованию целесообразности, нормы не являются самолегитимирующимися. Нормы задают правила, диктуют процедуры. Но, как отметил Кант, не существует правила, регулирующего применение правила. Легитимация норм всегда зависит от «отношения к высшей реальности» (Т. Парсонс), которое невозможно операционализировать и алгоритмизировать. Норм придерживаются, ими руководствуются, ценности разделяют и воплощают. К счастью, человечеству известен универсальный механизм, позволяющий сопрягать нормы и ценности, воспроизводить ценностно-нормативный порядок. Это традиция.

2. *Уровень автономной личности.* ИИ, встроенный в механизмы социального управления, обеспечивает воздействие на эмоционально-волевые и когнитивные стороны личности, что вызывает как поведенческие, так и нейрофизиологические последствия. Н. Бердяев предвидел расщепление традиционного человека на интеллектуальный элемент и чувственные ощущения, тревожился об обеднении чувственно-эмоциональной сферы в организации душевной жизни современного человека. Сегодня этот дефицит восполняется с помощью цифровых технологий: исследователи отмечают постоянное возрастание объема образной информации, получаемой «в цифре» [14]. Слияние ИИ и Интернета позволяет широко применять аддитивные технологии (преодолевать барьер «спонтанности» в терминологии Ю. Хабермаса), осуществлять «взлом» человека (барьер «недоступности»). Какими должны быть границы вторжения в человеческую природу (и сущность)? Кем они должны устанавливаться? Каков статус «биологической природы» человека в способах его самоопределения? От ответов на эти вопросы зависит осмысление перспектив терапии, восстановления, компенсации, ультрабилизации (киборгизации, гибридизации), наконец, улучшения и выхода за ограничения, налагаемые нашим биологическим наследием.

Каковы же перспективы обеспечения автономии личности перед вызовами, которые несут ИИ и связанные с ним технологии? Мы наблюдаем здесь две широко обсуждаемые стратегии:

- Проактивное овладение новыми технологиями идеологически обосновывается принятием ценностей «исследовательской культуры», требует отношения к риску как возможности, а не угрозе и оправдывает эксперименты и инновации на индивидуальном и групповом уровнях «нормативным императивом возможного». Человек должен принять ответственность за сознательную эволюцию, превзойти переданные традицией узкие образцы человечности. Человек должен творить себя (и свое тело, а в случае надобности и отбросить его как нечто устаревшее) своими собственными силами! Эта ценностная ориентация выражается в следующих практиках: апгрейд тела, биопанк, киборгизация, «загрузка сознания», радикальное улучшение качества жизни и ее существенное продление.

- Биоконсерваторы предостерегают от повреждения человеческой природы, требуют сохранения биологического организма в неприкосновенности, последовательно выступают против генетического редактирования и дизайна, против гибридизации человека и ИИ, которая ведет к привитой неспособности, против любых экспериментов с телом, полом, возрастами жизни, связывая автономию личности с ее оригинальностью, спонтанностью и

недоступностью. Знакомство с дискурсом биоэтики показывает несостоятельность ее притязаний: этика не может иметь прочного основания, если рассматривает человека только как биологическое (даже биосоциальное) существо. Тогда неизбежно возникает путаница в понятиях индивидуальной, социальной и профессиональной ответственности, а в отсылке к человеческой природе – к «естественному человеку» – обнаруживается эссенциализм. Но, как чутко заметил Н. Бердяев, вторжение в природу человека уже происходит, оно неизбежно будет нарастать.

Заключение. Как и сто лет назад, мы озабочены порабощением человека техникой и одновременно очень на нее рассчитываем. В исследованиях механизмов социального воспроизводства и личностного развития, в программах и планах – в образовании, воспитании, управлении – внимание все больше смещается от традиционных методов и практик к техническим усовершенствованиям. Действительные и только прогнозируемые результаты «суммы технологий» порождают социальные ожидания. Чего мы ждем от будущего, решительно отрывающего человека от его истории? В постчеловеческом будущем усовершенствованные люди будут взаимодействовать с существами, в некотором роде обладающими субъектностью: они ставят задачи, принимают и исполняют управленческие решения. Метафоры «машина-человек», «сильный ИИ» (как в свое время предложенная Р. Декартом метафора «человек-машина», масштабированная Т. Гоббсом в «левиафане») оказались плодотворными. Обсуждение барьеров для признания не биологических, но когнитивных существ личностями – нормативный барьер, эмоциональный, «проблема Qualia» – вновь требует возврата к основаниям, к осмыслению человеческой природы (и сущности?). Имеет ли человеческая природа нормативное значение? Как взаимосвязаны в человеческой деятельности способность устанавливать причинно-следственные связи и действовать сообразно целям с морально-нравственными ориентирами побуждений, запретов и поклонения? Похоже, на эти вопросы придется отвечать снова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» // Президент России. 2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (дата обращения: 31.03.2021).
2. Бердяев Н. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–38. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/_ChelMash.php (дата обращения: 31.03.2021).
3. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / ed. by A. Giddens, J. H. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 315.
4. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск., под ред. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990.
5. Хантингтон С. П. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. Л. Ю. Пантшой. М.: РОССПЭН, 2003.
6. Шпенглер О. Человек и техника / пер. с нем. А. М. Руткевича // Культурология. XX век: Антология / под ред. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 454–496.
7. Bostrom N. In Defense of Posthuman Dignity // Bioethics. 2005. Vol. 19 (3). P. 202–214. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.2005.00437.x>.
8. Floridi L. The Philosophy of Information. Oxford: Oxford University Press, 2001.
9. Флоренский П. А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли / под ред. С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 161–162.

10. Седых О. М., Хаменков М. А. Органопроекция: русский контекст // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21, № 1. С. 132–151.
11. Павленко А. Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга // *Истори-ко-философский ежегодник*. 2002. М.: ИФ РАН. С. 386–408. URL: <https://iphras.ru/page49403450.htm> (дата обращения: 31.03.2021).
12. Wolbring G. Why NBIC? Why human performance enhancement? // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2008. Vol. 21 (1). P. 25–40. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610802002189>.
13. Tirosh-Samuelson H. Transhumanism as a Secularist Faith // *Zygon*. 2012. Vol. 47 (4). P. 710–734. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.2012.01288.x>.
14. Aguiluz-Ibarguen M., Beriain J. Struggles on the futures of human nature. *Sociological perspectives* // *EMPIRIA. Revista de Metodología de Ciencias Sociales*. 2020. Vol. 47. P. 105–127. DOI: <https://doi.org/10.5944/empiria.47.2020.27426>.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>. E-mail: ashcherbina@list.ru

REFERENCES

1. "Session of the online forum "Davos Agenda 2021"" (2021), *Prezident Rossii* [President of Russia], available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (accessed 31.03.2021).
2. Berdyaev, N.A. (1933), "Man and machine. (The problem of sociology and metaphysics of technology)", *Put'* [Path], no. 38, pp. 3–38, available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/_ChelMash.php (accessed 31.03.2021).
3. Wallerstein, I. (1987), "World-Systems Analysis", *Social Theory Today*, in Giddens, A. and Turner, J.H. (eds.), Polity Press, Cambridge, UK, p. 315.
4. Shatskii, E. (1990), *Utopiya i traditsiya* [Utopia and Tradition], Transl. by Chalikova, V.A., in Chalikova, V.A. (ed.), Progress, Moscow, USSR.
5. Huntington, S.P. (2003), *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka* [The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century], Transl. by Pantshoi, L.Yu., ROSSPEN, Moscow, RUS.
6. Spengler, O. (1995), "Chelovek i tekhnika", Transl. by Rutkevich, A.M., *Kul'turologiya. XX vek: Antologiya* [Culturology. XX century: Anthology], in Levit, S.Ya. (ed.), Yurist, Moscow, RUS, pp. 454–496.
7. Bostrom, N. (2005), "In Defense of Posthuman Dignity", *Bioethics*, vol. 19 (3), pp. 202–214. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.2005.00437.x>.
8. Floridi, L. (2001), *The Philosophy of Information*, Oxford University Press, Oxford, UK.
9. Florenskii, P.A. (1993), "Organ projection", *Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli* [Russian cosmism: Anthology of philosophical thought], in Semenova, S.G. and Gacheva, A.G. (eds.), Pedagogika-Press, Moscow, RUS, pp. 161–162.
10. Sedykh, O.M. and Khamenkov, M.A. (2016), "Organ projection: Russian context", *Philosophy of Science and Technology*, vol. 21, no. 1, pp. 132–151.
11. Pavlenko, A.N. (2002), "Possibility of technology: a view from the Lavra and a voice from Marburg", *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook], IF RAN, Moscow, RUS, pp. 386–408. URL: <https://iphras.ru/page49403450> (accessed 31.03.2021).
12. Wolbring, G. (2008), "Why NBIC? Why human performance enhancement?", *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, vol. 21 (1), pp. 25–40. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610802002189>.

13. Tirosh-Samuelson, H. (2012), "Transhumanism as a Secularist Faith", *Zygon*, vol. 47 (4), pp. 710–734. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.2012.01288.x>.

14. Aguiluz-Ibarguen, M. and Beriain, J. (2020), "Struggles on the futures of human nature. Sociological perspectives", *EMPIRIA. Revista de Metodología de Ciencias Sociales*, vol. 47, pp. 105–127. DOI: <https://doi.org/10.5944/empiria.47.2020.27426>.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy) (1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>. E-mail: ashcherbina@list.ru